

Хуан Рульфо

ЗОЛОТОЙ ПЕТУХ

Хуан Рульфо

ЗОЛОТОЙ ПЕТУХ

Светало.

Пустынные улицы поселения Сан Мигель-дель-Милагро оживали. Закутанные в шаль силуэты женщин направлялись в церковь к утренней мессе, некоторые подметали вчерашнюю пыль с дорог. Издалека обрывками слов долетал крик глашатая. Это был один из тех сельских глашатаев, что ходят от дома к дому и кличут отбившееся от стада животное или заблудившегося ребенка. А уж если пропала юная девица - криком делу не поможешь. Нужно донести новость до жителей: кто подозреваемый, где начинать поиски, давали свое согласие родители или нет. Пустить молву в народ, чтобы пристыженным беглецам не оставалось ничего другого, как пожениться. А что до домашней скотины - если не откликается на зов, придется идти искать самому. Только так и платили за эту работу.

Чем дальше в сторону церкви удалялись женщины, тем громче слышался крик глашатая. Вот он остановился на углу и, сложив ладони рупором, снова завел свою пронзительную песню:

- Темно-гнедой жеребец! Рослый в холке! Пять лет от роду! С отметиной на крупе! Клеймо в виде буквы S! Оседлан! Заплутал позавчерашнего дня в окрестностях Потреро-Ондо! Принадлежит дону Секундино Кольменеро! Двадцать песо без лишних разговоров тому, кто его отыщет!

Он выдохнул последние слова и двинулся дальше, снова и снова заводя эту песню, пока его крики не растворились в отдаленных уголках селения.

Того, кому принадлежал этот голос, звали Дионисио Пинсón, он был одним из самых бедных людей в Сан Мигель дель Милагро. Жил он в ветхом домишке на окраине вместе со своей матерью, измученной не столько старостью, сколько нищетой. И хоть выглядел Дионсио крепким мужчиной, был он калекой: его рука усохла бог знает по какой причине. Этот недуг мешал вести хозяйство или работать в поле наравне с остальными, а других забот в округе не знали. Вот и вышло так, что помощи от него не

было, и он прослыл ненужным. Потом уже нашлась работа глашатаем. Руки ему не доставало, зато желания и громкого голоса хватало с лихвой. Крик разлетался по всему Сан Мигель дель Милагро и проникал в каждый закоулок: это Дионисио выполнял чью-то просьбу или в очередной раз звал корову сеньора священника, которая имела привычку убегать в горы, стоило только замешкаться и оставить открытыми ворота корраля. Бывало, у всех своих дел невпроворот, не до коровы. Тогда Дионисио отправлялся сам, получив вслед благословение и обещание, что на небесах ему за все воздастся.

И кто монетой, кто добрым словом платил ему за работу, а его голос не замолкал никогда, облетая окрестности изо дня в день. Ведь другого ничего не оставалось, чтоб не помереть с голоду. И по крайней мере не всегда приходил домой он с пустыми руками, как приключилось в этот раз. С ранего утра разносил он новость о пропавшем жеребце дон Секундино Кольменеро, пока его голос не остался наедине с лаем собак в спящем селении. А так как за день жеребец не появился и не нашлось никого, кто мог бы навести на след, дон Секундино решил не платить, пока не увидит свою животину, ведь деньги на ветер бросать желания он не имел. А чтобы глашатай не падал духом, вручил ему горсть фасоли, которую Дионисио завернул в свой платок и побрел домой. Пришел он уже за полночь, падая с ног от голода и усталости. Мать, как всегда, приготовила ему немного кофе и похлебку из нопаля*, которая сытностью не отличалась, но хотя бы сбивала с толку желудок.

Но не всегда дела у него шли скверно. Каждый год на праздник Святого Мигеля он нанимался на гулянья. И там, среди грохота барабанов и визгов дудки, громогласно объявлял в картонный рупор о начале игр, представлял колеадоров*, извещал о перерывах, а заодно и обо всех церковных праздниках. Девять дней подряд он неустанно трубил о представлениях бродячих артистов или расхваливал какую-нибудь чудодейственную мазь от всех болезней. В конце процессии, которую он возглавлял, гремели духовые инструменты, они скрашивали минуты отдыха фальшивыми мотивами народной песенки. Завершали шествие юные девушки на телегах под навесом из тростника и кукурузных початков.

В те дни Дионисио забывал о своей полной лишений жизни. Он находил отраду во главе праздничного шествия и подбодрял шутов, что ходили по канату и кувыркались на потеху публике.